
США КАК МИРОВОЙ ЛИДЕР: РЕАЛИИ, ТЕОРИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Дробот Г. А.*

В современном мире США являются единственной сверхдержавой. В известном смысле современный мир моноцентричен, если под центром силы понимать державу, доминирующую по всем ресурсным показателям, и одновременно его можно считать многополюсным, если иметь в виду, что полюс силы – это доминирование в какой-либо одной области. Это создает определенную интригу в будущем современного мирового развития. Соединенные Штаты по законам истории не могут вечно оставаться державой номер один. Кто из полюсов современного мира бросит им вызов? Может быть, это будет Китай? И когда это произойдет? Пока сказать что-то определенное трудно, так как со времен Второй мировой войны США с переменным успехом удерживают мировое лидерство.

Ключевые слова: мировой лидер, сверхдержава, глобальная конкуренция, сфера влияния, международные вызовы.

In today's world the USA is the only superpower. The modern world is monocentric in a certain sense if under center of power one understands the power dominant in all resource indicators, and at the same time it is multipolar, meaning that the pole is the dominance in any single sphere. This creates a certain intrigue for the future of contemporary world development. The United States according to the laws of history will hardly remain the number-one power. Which of the poles existing in the modern world will challenge the US? Maybe, China? Then, when will it happen? Yet, it is difficult to make any predictions since after the Second World War the US has remained the leader of the modern world with varying success.

Keywords: world leader, a superpower, global competition, sphere of influence, international challenges.

История международных отношений свидетельствует, что на протяжении всех веков происходила смена государств, доминирующих в мировом и региональном масштабах. Иерархия международного разделения власти и влияния – важнейший компонент мирополитической системы. Со второй половины XX в. и особенно в XXI в. в условиях развития процессов глобализации смена лидеров в международной системе приобрела специфический характер. Она стала более динамичной и неоднозначной.

Итоги деятельности США, по мнению Т. А. Шаклеиной, хорошо изучены и проанализированы американскими аналитиками, позиции которых расходятся. Выделяются два основных подхода. Сторонники первого отстаивают мнение о том, что действия Америки привели к серьезной позитивной модификации старо-

* Дробот Галина Анатольевна – д. п. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: gdrobot@mail.ru.

го порядка, но останавливаться не следует. К такому мнению склоняется большинство правящей элиты и членов экспертного сообщества. Меньшинство считает, что политика США вряд ли приведет к созданию стабильного порядка, основанного на консенсусе разных участников мирового процесса. Их беспокоит, что в результате проводившейся политики был нанесен ущерб самой Америке и это может привести к сокращению ее влияния и упадку глобального могущества [Мегатренды... 2013: 77; Шаклеина 2012: I]. К подобному мнению о наличии двух основных школ в анализе динамики современного мирового лидерства приходит и А. Д. Воскресенский [Мировая... 2005: 335–339].

На сегодняшний день ведущие российские эксперты-международники сходятся в том, что «именно Соединенные Штаты вместе с их влиятельными европейскими союзниками демонстрируют наибольшую степень активности и обладают мощным ресурсом порядкостроительства» (Т. А. Шаклеина) [Мегатренды... 2013: 77].

А. Д. Воскресенский, соглашаясь с подобным мнением, обосновывает его следующим образом. Хотя некоторые страны Востока (Япония, Южная Корея, так называемые новые индустриальные страны Азии, сюда относится и Китай) довольно успешно конкурируют с западными государствами, однако общий технологический отрыв последних не вызывает сомнений. Страны Запада концентрируются на наукоемких отраслях ядра постиндустриального уклада, а даже самые передовые новые индустриальные страны – в лучшем случае на выпуске технического оборудования для информационно-технологического производства. «Догоняющий, экспортно ориентированный (прежде всего на страны Запада) путь модернизации, которого придерживаются эти страны... в принципе не позволяет им ни серьезно подорвать, ни оспорить мировое лидерство западных государств» [Мировая... 2005: 338]. Первым же государством в кругу западных лидеров по крайней мере до середины XXI в. будут оставаться США.

Как пишет Э. В. Кириченко в недавно вышедшей монографии, подготовленной учеными ИМЭМО РАН, в XXI в. ключевым фактором экономического развития США является опора на человеческий потенциал и динамичное генерирование инноваций. В структуре народного хозяйства Соединенных Штатов на основе тесного взаимодействия государства, частного и общественного секторов сформировалась многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека. В 2015 г. расходы на образование составляли 6,4 % ВВП. Затраты на здравоохранение (2013 г.) равнялись 16,4 % ВВП, что выше, чем в других странах ОЭСР. США тратили на эти цели 8713 долларов на человека, в 2,5 раза больше, чем в среднем по ОЭСР (3453 доллара). Среди факторов, обеспечивающих прирост инновационного потенциала Соединенных Штатов, следует отметить: сформированную уникальную многоуровневую национальную инновационную систему (НИС), в рамках которой динамично совершенствуются механизмы взаимодействия ее отдельных элементов; качество ресурсного обеспечения, что критически важно в условиях ускоряющегося сокращения жизненного цикла высоких технологий; широкое развитие венчурного капитала и научно-технического предпринимательства; создание региональных хайтек-кластеров глобального значения. Государство, даже в периоды кризиса и вялого оживления, сохраняло государственную поддержку НИОКР, включая фундаментальные исследования, осуществляемые частными корпорациями, университетами и некоммерческими организациями.

При этом оно стремится повысить народнохозяйственное значение этих исследований, стимулируя коммерциализацию технологий, в частности путем продвижения кооперации в сфере НИОКР, правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности. Ведущие университеты США, обладающие огромными финансовыми и научно-техническими ресурсами, помогают «притянуть» мировую интеллектуальную элиту. Монополизация всего спектра инновационного развития не только непосильна, но и неэффективна для любой экономики. На долю Соединенных Штатов приходится треть мирового производства высокотехнологичной продукции. США стараются оседлать гребень инновационной волны [США... 2016–2017, т. 1: 8, 9].

Доллар пока еще является единственной реальной глобальной валютой. Об альтернативе говорят Франция, Китай, ОПЕК. Однако доллар используется в 85 % всех валютных обменных действий по всему миру; 62 % всех валютных накоплений совершается в долларах; 65 % китайского золотовалютного запаса хранится в долларах; 54 страны привязывают свою валюту к курсу доллара и только 27 – к курсу евро [Lundestad 2012: 89]. Существует много причин доминирования доллара: размеры американской экономики, ее крупный и ликвидный финансовый рынок и т. д. Тренд состоит в уменьшении подобного рода показателей и их размеров, но этот тренд медленный. По объему валютного обмена евро весьма активен, тем не менее все региональные валюты не идут ни в какое сравнение с долларом.

Несмотря на неудачи в войнах в Афганистане и Ираке, США много делают для поддержания своей военной мощи. Их военные расходы в 6 раз превосходят расходы второй по этому показателю державы мира – Китая. У Соединенных Штатов не самая многочисленная армия, но она вооружена новейшим оружием и самая мобильная в мире. Они могут дислоцировать сотни тысяч военнослужащих в любой уголок планеты, как можно было видеть во Вьетнаме, Персидском заливе, Ираке.

* * *

Сами американцы считают США уникальными. Джон Кеннеди ссылался на «наши права на моральное лидерство на этой планете». Рональду Рейгану принадлежит высказывание: «Американская мечта живет – не только в сердцах и умах наших соотечественников, но и в сердцах и умах миллионов людей планеты в свободных и угнетенных странах, которые смотрят на нас как на лидера. До тех пор, пока эта мечта жива, пока мы продолжаем защищать ее, Америка имеет будущее и все человечество имеет повод надеяться» [*Ibid.*: Preface]. В своей инаугурационной речи Барак Обама обращался ко всему миру «от огромных столиц до маленькой деревни, где родился мой отец. Я знаю, что Америка является другом каждой нации и каждого мужчины, женщины и ребенка, которые стремятся к мирному будущему и процветанию. Мы готовы лидерствовать и далее» [*Ibid.*]. Все это – комплекс мессианства. Большинство американцев верит в то, что американская эра продлится вечно. Рональд Рейган провозглашал «утро Америки» и независимость ее от законов истории. Очень немногие американские лидеры не согласны с этими утверждениями. Вы не станете популярны в США, предсказывая падение «своей божественной страны». Подобного мнения придерживаются и многие американские международники-политологи, такие, например, как Джозеф Най, Сэмюэл Хантингтон, Стефан Брукс, Уильям Уолфорс.

Иностранцы выражают естественный скептицизм по поводу таких заявлений. Приведем рассуждения экс-главы Института Нобеля норвежского ученого Гира Лундестада из его книги «Взлет и падение американской “империи”. Сила и ее пределы в сравнительной перспективе» [Lundestad 2012], которая представляет собой результат его многолетних размышлений. Он автор и редактор ряда других книг, посвященных международной политике после Второй мировой войны вплоть до наших дней. Тесные контакты связывают Лундестада с Гарвардским университетом и Центром Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Независимо от того, называем ли мы их сверхдержавами, великими державами, империями или гегемонами, пишет Г. Лундестада, очевидно одно: они приходят и уходят. Из европейской истории известно, что Римская империя пережила взлет и падение; то же было с империей Каролингов (732–814 гг. н. э.) и, конечно, с тремя германскими рейхами; то же произошло с Британской и Французской колониальными империями, и к 1991 г. Советская империя не только потерпела крах, но и распалась на 15 частей.

Монголы под управлением Чингисхана (1162–1227 гг.) и Тамерлана (1336–1405 гг.) основали одну из самых великих империй, в которой имела место поразительная этническая и религиозная толерантность. Некоторые ученые утверждают, что империя Тамерлана была последней попыткой бросить вызов разделению Евразии на государства Дальнего Востока, исламской Евразии и конфуцианской Восточной Азии. Тем не менее огромная империя распалась на несколько частей, и сегодня от нее осталась современная Турция.

По ряду оценок, к 1800 г. доля Китая в мировом промышленном производстве составляла 33,3 %, а Индии – 19,7 %, в то время как Европа в целом производила 28,1 %. В те времена большое значение имела численность населения. Чем больше население, тем больше продукция. Когда в XIX в. произошла промышленная революция, ситуация кардинально изменилась. Доля Китая и Индии уменьшилась соответственно до 6,2 % и 1,7 %, в то время как доля Британии и США увеличилась до 18,5 % и 23,6 % соответственно [*Ibid.*: 2].

Таким образом, восточная экспансия была сменена огромной западной волной, которая продолжила географические изыскания европейцев в эпоху Великих географических открытий. Сначала Испания и Португалия, затем Британия и Франция, а после менее крупные европейские страны создали свои огромные колонии. Имея такую малую территорию, Британия контролировала около 20–25 % мировой территории и населения. Северная и Южная Америки, Австралия, большая часть Азии и большая часть Африки попали под европейский контроль. Соединенные Штаты были первой колонией, которая обрела независимость. Ко всеобщему удивлению, после обретения Индией независимости после Второй мировой войны колониальные империи быстро распались. В 1990-е гг. США наслаждаются моноцентричным миром в условиях коллапса СССР.

Однако падение Америки предсказуемо, утверждает Г. Лундестада, хорошо это или плохо, желаемо или нежелательно. Ни одна страна не может доминировать вечно. Так, Советский Союз предсказывал вечное господство коммунистической эры. Сомнения высказывались широко по всему миру. Как показала история, прогноз советских лидеров оказался неверным.

Очевидно, что рано или поздно США покинут свое место державы номер один. Несмотря на это, большинство американцев продолжают верить, что Аме-

рика преодолет законы истории, пишет Г. Лундестад. Американская миссия в истории будет продолжаться. Однако только история покажет, что произойдет. Г. Лундестад предпочитает рассуждать о будущем, погружаясь в прошлое.

Американцы – большие мечтатели. Америка постоянно стремилась создать мир по своему представлению. Это был «град на холме»; он стоял для «жизни, свободы и постоянного счастья». Очень многие президенты США видели себя в качестве мессии. Мандат на перемены мира исходил не только от американского народа, но и от вновь прибывающих переселенцев. Часто он подразумевался, в других случаях непосредственно утверждался, как воля Бога, благославляющего действия Америки в мире.

Снова и снова американские лидеры видят себя не только как наиболее могущественных людей мира, но и как лидеров, конструирующих мир. Большинство из них действительно достойны успеха, говорим ли мы о Вудро Вильсоне, инициаторе создания Лиги Наций; ФранкLINE Рузвельте, одном из основателей ООН; Джоне Кеннеди, «наилучшем и блестящем»; оптимизме Рональда Рейгана, который подчеркивал его своеобразие. Мы менее оптимистичны в оценке Джорджа Буша-младшего, который взял на себя миссию освобождения Ирака и всего Ближнего Востока. Более умеренна версия всемирного могущества Барака Обамы: «Мы не можем, нам не следует делать все и везде. Но там, где наши ценности и наш интерес затрагиваются и где мы можем изменить ситуацию, мы должны быть готовы к этому» [Lundestad 2012: 176].

Но американцы не только мечтают, они еще и испытывают страх перед вызовами международной среды, отмечает Г. Лундестад. Большинство американцев видят международные отношения преимущественно как борьбу между добром и злом. События Второй мировой войны, когда шла борьба добра со злом, показали, что политика изоляционизма потерпела крах и Америка не может абстрагироваться от Старого Света. Дьявол всегда там, где идет война, готовый к своей работе. А. Гитлер был воплощением дьявола для своего времени. Существует много причин, почему США позволили СССР расширить сферу своего влияния в Восточной Европе в борьбе с Гитлером. Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что иначе И. В. Сталин распространил бы свое влияние на всю Европу.

Американцы боялись международного эффекта домино, принцип которого был провозглашен после Второй мировой войны президентом Д. Эйзенхауэром. Однако уже Гитлер демонстрировал всю весомость теории домино. События в одной стране оказывали влияние на ход событий в других странах, особенно соседних. Фактом является и то, что экспансия СССР в ряде стран Восточной Европы привела к установлению советского контроля и в других странах региона. Война во Вьетнаме имела последствия не только в Юго-Восточной Азии, в частности в Лаосе и Камбодже, но и в более отдаленных частях света.

Впрочем, эффект домино мог играть и позитивную роль для США. В 1989 г. крах советско-коммунистического режима в одной центральноевропейской стране – ГДР – привел к коллапсу подобных режимов во всех остальных государствах региона. Это было логично, если учитывать то, что СССР играл решающую роль везде, кроме Румынии.

Г. Лундестад полагает, что с такими масштабными целями, которые присущи большинству предыдущих великих держав в мире, в том числе и самим Соеди-

ненным Штатам, можно ожидать, что они столкнутся с поражением. В конце концов, будучи близки по статусу к лидирующей стране в мире, Соединенные Штаты все же далеки от всемогущества. Во время Второй мировой войны они мечтали о мировом могуществе, но образовалось два центра силы – восточный и западный. В восточном центре у США было очень мало влияния.

В первые пять лет после Второй мировой войны США столкнулись с двумя крупными поражениями – в Восточной Европе и в КНР. Восточная Европа была зоной приоритета СССР, она контролировалась Советской армией по результатам войны против Германии. Только новая большая война могла изменить расклад сил в регионе. Но после четырех кровопролитных лет это было вне вопроса, по крайней мере для Г. Трумэна (в отличие от У. Черчилля, который, впрочем, оказался не у власти после войны). Китай был наиболее многонаселенной страной мира. США меньше всего стремились остановить гражданскую войну в этой стране: Китай был слишком огромным, чтобы контролировать его внутренние процессы; американские ресурсы, хоть и большие, были все же ограничены; Чан Кайши был далеко не идеальным союзником. Таким образом, Восточная Европа и Китай бросили вызов Соединенным Штатам. Г. Лундестад задается вопросом: каким образом такая сильная Америка потерпела поражение? Может, Америка не всемогуща? И отвечает на вопрос: республиканцы, находившиеся тогда у власти, нашли причины во внутренней политике, полагая, что ни одна внешняя сила не может нанести поражение США.

Позже последовали другие поражения. Корейская война закончилась вничью, что могло рассматриваться как определенная дистанция Южной Кореи от США. Вьетнамская война закончилась поражением. Появились новые противники, прежде всего Фидель Кастро в Гаване и мусульманские аятоллы в Тегеране. Однако Америка также вела успешные войны вдали от дома. Саддам Хусейн был выдворен из Кувейта, потом и из самого Ирака. Слободан Милошевич лишился влияния в Косово, а также вообще власти в Белграде (хотя в последнем случае участие США было крайне ограничено). Впрочем, последние события показывают, что одно дело – выиграть инициированную войну в стране и совсем другое – обустроить в ней дела. Здесь и Афганистан, и Ирак внушают мало оптимизма.

Неудивительно, что многие американские президенты под конец своего срока во власти испытывали чувство фрустрации. Власть президента может быть значительной, но к концу срока она может стать значительно меньше, чем президент и его окружение представляли себе вначале.

Несмотря на свою огромную силу, США часто шли на компромиссы с западноевропейскими союзниками. В Старом Свете встречалось полное нежелание следовать американским советам. За исключением Суэцкого кризиса 1956 г. и заключения франко-германского договора 1963 г., Соединенные Штаты редко диктовали своим союзникам в Западной Европе, что они должны делать. Наибольшие поражения Америка начала терпеть после прихода к власти во Франции генерала Ш. де Голля в 1958 г. Это наиболее яркий пример бессилия Америки. Де Голль отказался признать Британию в составе ЕЭС, пытался заставить ФРГ следовать французской политике безопасности, наконец, предпринял шаги по выходу Франции из военной структуры НАТО.

Размещение американских войск в Европе в первое время после Второй мировой войны было очень проблематично. Президент Д. Эйзенхауэр настаивал на том, чтобы американские войска находились в Европе только на временных условиях. Европейцы должны были управлять долговременной проблемой безопасности самостоятельно. Эйзенхауэр упрекал их в неумении это делать. Несколько позже британцы и французы обзавелись собственным ядерным оружием, в основном к неудовольствию Вашингтона.

Каждый раз, когда США угрожали вывести свои войска из Европы, ряд причин препятствовали этому курсу. Важнейшая из них – такие угрозы могли усилить позиции СССР в его противостоянии с Западом. Это противоречило союзнической политике Вашингтона. Заметим, что то же касается и обещаний нынешнего американского президента Д. Трампа относительно сокращения военного сотрудничества с Европой.

Американские поражения не являются столь драматическими, как кажутся. Европейцы увеличили численность своих войск в Европе; первые годы де Голля у власти были отмечены сравнительно позитивным отношением к США; в настоящее время Великобритания выходит из ЕС, но твердо придерживается курса на сотрудничество с Вашингтоном.

Мировое лидерство – явление динамичное. В 1945 г., когда была создана ООН, США, СССР и Великобритания были абсолютными лидерами мира. Они являлись тремя «сверхдержавами», когда этот термин был впервые введен в конце Второй мировой войны. Великие державы сегодняшнего дня различны. Британия и Франция предъявляют сегодня меньшие претензии, чем в 1945 г. Германия – экономический лидер в Европе. ЕС значительно укрепил экономическое влияние, но далек от единой оборонной и даже финансовой политики. Советский Союз был заменен Россией. Китай взял курс на обретение статуса великой державы подобно Индии с ее растущим мировым статусом и, возможно, таким региональным державам, как Бразилия и Южная Африка.

Япония, Китай, Южная Корея продемонстрировали, как быстро отдельные государства могут подняться экономически. СССР показал противоположный пример – как быстро может рухнуть великая держава. В 1960 г. Южная Корея и Гана были на одном и том же экономическом уровне, на том же уровне находились Индонезия и Нигерия. В 2010 г. по доходу на душу населения Южная Корея была по крайней мере на уровне Испании, Греции и Португалии и почти в 20 раз богаче Ганы; Индонезия была в два раза богаче, чем Нигерия [Lundestad 2012: 188].

В мире распространяются современные технологии, в особенности новейшие вооружения. Если в 1950 г. только пять развивающихся стран (Китай, Индия, Аргентина, Бразилия, Колумбия) могли позволить себе нечто большее, чем маленькие армии, то к 1980 г. их число возросло до двадцати шести, а в 2011 г. арсенал оружия в развивающихся странах охватывал большинство наименований тяжелого вооружения, в ряде случаев и ядерного оружия (Индия, Пакистан, Северная Корея). То, что эти страны не могут произвести сами, они покупают, если необходимо – тайно. Не только отдельные страны, но и малые группы способны сегодня наносить ощутимый урон даже сверхдержавам.

Наиболее значимым в отношениях между малыми и крупными государствами являются часто не их ресурсы, а внешнеполитический курс, который они прово-

дят. Г. Киссинджер заявлял: «...я не могу поверить, что такая четырехстепенная страна, как Северный Вьетнам, не имеет слабого места». А северовьетнамский генерал говорил после окончания Вьетнамской войны: «Несмотря на свою военную мощь, Америка продемонстрировала ограниченность своей силы. В войне действуют два фактора – человеческий и военный. Человеческий фактор является решающим. Да здравствует человеческий фактор!» (Lunderstad 2012: 191). Общеизвестно, что Вьетнам – это особый случай, но и другие страны и регионы демонстрируют подобные явления. Большинство американских президентов после Второй мировой войны были вынуждены вывести войска из зоны действия: Трумэн – из Китая, Джонсон и Никсон – из Вьетнама, Рейган – из Ливана, Буш-младший и Клинтон – из Сомали, Обама – из Ирака.

В обобщенном виде позиция норвежского ученого Г. Лундестада звучит следующим образом. Сверхдержавы заслуживают приставки «сверх» потому, что они могут позволить себе то, что никто больше не может. Если они действительно сверхдержавы, они создают свою собственную сферу влияния, даже свою собственную империю. Во многих отношениях Соединенные Штаты играют роль империи в мире после Второй мировой войны. Они смогли создать мировой либеральный политический и экономический порядок, основанный на Всемирном банке, МВФ, ВТО, НАТО и многих региональных организациях. Вашингтон сумел инкорпорировать в этот порядок бывших противников по Второй мировой войне – Германию и Японию, а также многих союзников бывшего СССР. США удается убеждать своих крупнейших союзников, Францию и Великобританию, знать свое место, как показал Суэцкий кризис 1956 г. Благодаря их влиянию практически во всех дружественных Америке странах коммунисты и симпатизирующие им партии не у власти. Американские инвестиции и культурные ценности распространяются по всем уголкам мира. В историческом смысле слова это является впечатляющими достижениями.

В сегодняшнем мире только США являются поистине глобальной державой; другие, такие как Китай и ЕС, все еще представляют собой в основном региональные центры силы, хотя и с некоторыми глобальными амбициями. В особенности это касается их военной мощи. И все же вызывает вопрос, можно ли говорить об Америке как о «вечной империи». США терпели много военных поражений; их долг огромен; не только Китай, но и другие региональные державы быстро набирают мощь. В экономической сфере центр тяжести расширяется – от западных держав и Японии, а теперь еще и Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, Южной Африки, к другим странам. «Большая семерка» постепенно заменяется «Большой двадцаткой». Все это свидетельствует о том, что смена главных ролей в истории происходит с заметным постоянством, и именно в этом состоят вечные законы истории, заключает в своей книге Г. Лундестада.

* * *

Однако, если вернуться к преобладающему в США мнению относительно того, что ожидать от Америки в XXI в., мы столкнемся с позицией аналитика Дж. Фридмана, который делает тревожные для России и большинства других стран мира прогнозы. Он считает, что международная стратегия Соединенных Штатов – это стратегия войны, что в XXI в. страна постоянно находилась в состоянии войны, что воинственность составляет основу американского опыта и имеет тенденцию к росту. По его мнению, она является частью американской

культуры и американской геополитики [Fridman 2010: 39–46]. Аналогичный вывод делает российский политолог Э. Я. Баталов, заявляя, что США находятся в состоянии непрекращающейся войны [Баталов 2009].

И хотя именно американцы развивают теорию «мягкой» и «умной» силы, постоянно делают акцент на значимость дипломатии, преемственность в реализации глобальной стратегии сохраняется. Это означает, что активная порядкоформирующая деятельность США продолжится, в том числе с использованием «жесткой» силы.

Как простые американцы рассматривают будущие перспективы своей страны в мире? После событий сентября 2001 г. администрация США уже не раз разъясняла своим гражданам, что профилактические войны за рубежом нужны американцам как средство предупреждения войн на самой американской территории. Это объяснение настолько просто, понятно и убедительно для большинства американцев, что ни одна из американских партий и ни один из кандидатов в президенты США не могут от него отказаться. Не случайно демократы критикуют республиканскую администрацию не за саму войну в Ираке, а только за тактику ведения этой войны.

В результате в ближайшие десятилетия следует ожидать новых попыток Соединенных Штатов реализовать свой квазиимперский проект, что уже происходит на наших глазах, если иметь в виду ситуацию вокруг Украины, Сирии и Северной Кореи. Потом наступит черед других. Альтернативы этому практически нет: США возникли и развивались как страна высших моральных ценностей и общество неограниченных возможностей; сомнение в этих аксиомах чревато катастрофическими последствиями для национальной идентичности. Сегодня же поле борьбы с абстрактным и реальным злом широко как никогда ранее: основной внешней угрозой можно объявлять глобальный терроризм, угрожающий безопасности американских граждан; новые левые движения, покусившиеся на зону естественных интересов США в Латинской Америке (Венесуэла); экономическую экспансию Китая, неправомерными методами разрушающего американскую индустрию и способного видоизменить в своих интересах всю международную экономическую систему; на худой конец, возрождение России, обещающее Соединенным Штатам изматывающую гонку вооружений. Так или иначе, состояние мобилизации в американском обществе будет поддерживаться.

Что же ждет мир, если США в силу тех или иных причин все же откажутся от своей имперской миссии (гипотеза)? По мнению Н. Фергюсона, профессора Гарвардского университета, «многополюсность не станет альтернативой однополюсности. На смену последней придет аполярность – глобальный вакуум власти. От этого... глобального беспорядка выиграют силы, намного более опасные, нежели соперничающие между собой великие державы» [Фергюсон 2005: 19]. Речь может идти о распаде Ирака и связанной с этим резкой дестабилизацией на всем Большом Ближнем Востоке, о неконтролируемом распространении оружия массового уничтожения, беспредельном афганском наркотрафике, ощущении вседозволенности у исламских экстремистов. Эту же мысль высказывал и З. Бжезинский в работе «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2010).

Вряд ли следует воспринимать пессимистичный прогноз Н. Фергюсона как указание на неизбежное развитие событий. В нем содержится известное преуве-

личение опасности, порождаемое закатом американской сверхдержавы. В то же время он, по-видимому, прав, полагая такое состояние мира несомненным шагом назад по сравнению с тем, что мы видим сегодня.

С этим согласны и некоторые российские ученые. Так, А. Д. Богатуров пишет: «Политика Америки вызывает в мире такое же раздражение, как внутри США – нежелание других народов принимать американские рецепты решения мировых проблем. Между тем очевидно: мировой порядок, который держится на американских ресурсах, не демократичен, но он не так уж и плох. Это гегемонистская стабильность, но это стабильность в отличие от схватки идеологических непримиримостей. Нерв ситуации в том, что американцы не желают понять: мир отказывается благодарить их, потому что он изнемог от удушающих объятий американской заботы и паталогической ответственности за... судьбы каждого рифа в океане, каждой скважины в пустыне, горы на Кавказе и трубы на дне Балтийского моря» [Богатуров 2007: 121].

А. Д. Богатуров полагает, что оппонирование американской внешней политике должно быть разумно-критическим. При всем неприятии американских превентивных операций и профилактических войн надо признать, что современные угрозы международной безопасности существенно отличаются от времени, когда писался Устав ООН и закреплялся принцип суверенитета. На сегодняшние угрозы распространения оружия массового уничтожения и глобального терроризма мало реагировать *post factum*, их надо упреждать, что неизбежно приходит в противоречие с принципом суверенитета. Это одна из ключевых проблем современного мира, которую Соединенные Штаты пытаются решать как могут, пока – надо признать – не очень удачно, но «правильного» решения этой проблемы в мире еще не найдено.

* * *

Как мы уже видели, невозможно предсказать заранее взлет и падение великих держав. Это касается и предсказаний о падении США как великой державы. Америка все еще остается крупнейшей экономикой мира, чей рост основан на собственных ресурсах, крупнейшим финансовым рынком и военным центром планеты и в высшей степени образованной в целом сбалансированной нацией.

США по-прежнему лидируют в научных исследованиях и образовании, несмотря на ограничения, введенные на допуск в страну иностранных студентов и исследователей после 11 сентября. Расходы Соединенных Штатов на научные исследования значительно выше расходов стран ЕС. Фактически они превосходят суммарные расходы семи следующих за Америкой держав по данному показателю. По показателю расходов на науку в расчете на душу населения только Швеция и Финляндия обгоняют США. Ученые по всему миру считают американских ученых наиболее желанными партнерами; впечатляет количество нобелевских лауреатов и бизнес-инноваций. Кроме того, многие зарубежные лидеры получили образование в США. Было подсчитано, что 46 действующих и 165 бывших зарубежных глав правительств учились в Соединенных Штатах [Neu 2011: 96, 106].

За исключением молодого поколения Индии, Америка имеет наиболее благоприятный демографический состав среди великих держав. Ее население быстро растет и по прогнозам будет расти еще быстрее, достигнув 500 млн человек к 2050 г. и 1 млрд к 2100 г. США гордятся самыми высокими темпами рождаемо-

сти, на 50 % выше, чем в России, Германии и Японии, и даже выше, чем в Китае. К этому надо добавить продолжающуюся широкомасштабную иммиграцию. Двадцать лет назад СССР имел значительно бóльшую численность населения, чем США. Но низкая рождаемость и высокая смертность сократили население Советского Союза почти до 140 млн человек. По прогнозам, к 2050 г. этот показатель России составит одну треть от населения США.

В развитом мире иммиграция будет играть даже бóльшую роль, чем сегодня. США привлекают высококвалифицированных иммигрантов со всего мира, даже из Европы. Подсчитано, что более половины людей, направляющихся из развивающихся стран, окажутся в Соединенных Штатах, которые являются для них желанной целью в плане образования и квалифицированной работы. При этом заботой для США является рост населения с латиноамериканскими корнями, которое в настоящее время составляет 16 % населения, а к 2050 г., по грубым подсчетам, будет составлять 50 %. Недавно в этой стране прошли политические протесты против нелегальной миграции. В то же время можно сохранять оптимизм относительно ассимиляционных процессов в США, если сравнивать с европейскими проблемами мусульманской иммиграции. Китай и Япония вообще не приветствуют иммиграцию, что является исключительным случаем для современного глобального мира. В этом смысле США являются уникальной нацией, в значительной степени проницаемой.

Однако в новом тысячелетии Америка сталкивается со многими проблемами, частично старыми, частично – новыми. Образовательная система, особенно на низшей ступени, прилагает усилия, чтобы добиться необходимого уровня качества, и это подтверждают многие международные образовательные индикаторы, которые показывают, что американская система отстает от лидеров. Американская система юстиции крайне дорогостоящая. То же относится и к системе здравоохранения – она наиболее дорогостоящая в мире, обещающая высококачественные услуги для всех, но оказывающая скромные услуги для большей части населения. В некоторых областях, таких, например, как детская смертность, США оказываются в самом конце списка индустриальных государств. Несмотря на сокращение серьезных преступлений в Америке в последние десятилетия, число убийств здесь больше, чем где бы то ни было среди развитых стран [для дискуссии по некоторым из этих данных см.: Zakaria 2011; Von Drehle 2011].

Неравенство растет в США быстрыми темпами. С 8 % до 20 % выросла с 1960-х гг. доля тех, чей общий доход не превысил прироста в 1 % [Lieberman 2011: 154]. Недостаток роста реального дохода населения, несомненно, ведет к росту враждебности во внутренней политике.

Опять встает вопрос, как долго США останутся державой номер один. Сомнения впервые высказали сторонники СССР, потом ученые, верившие в эксперимент Японии, затем те, кто видел в ЕС вершину развития. Однако большинство мира верило в лидирующую роль США, со знаком плюс или со знаком минус. Сейчас быстро растет число специалистов, которые считают, что век Америки – не столь уж и длинный, с 1945 г. – близится к завершению. И в соответствии с недавними социологическими исследованиями американского населения, 60 % американских граждан верят в то, что их страна управляется неправильно и движется к упадку [Lundestad 2012: 38].

В истории существует немного законов, если они вообще существуют. Одним из возможных таких законов является то, что никакая страна не может вечно

оставаться номером один. Рано или поздно США догонит какая-нибудь держава. Будет ли это Китай и произойдет ли это в первой половине XXI в., покажет будущее.

Литература

- Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009.
- Богатуров А. Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 9. С. 114–121.
- Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М., 2013.
- Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кошкин, А. Д. Богатуров. М., 2005.
- США: возможности и пределы экономического и политического лидерства: в 2 т. / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, Э. В. Кириченко. М., 2016–2017.
- Фергюсон Н. Мир без сверхдержавы // *Свободная мысль – XXI*. 2005. № 1. С. 32.
- Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М., 2012.
- Fridman G. *The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century*. New York, 2010.
- Liberman R. *When the Rich are Getting Richer* // *Foreign Affairs*. 2011. January/February.
- Lundestad G. *The Rise and Decline of American “Empire”. Power and its Limits in Comparative Perspective*. Oxford, 2012.
- Ney J. *The Future of Power* // *Public Affairs*. 2011.
- Von Drehle D. *No, America is Still No. 1* // *Time*. 2011. March 14.
- Zakaria F. *Yes, America is in Decline* // *Time*. 2011. March 14.